

ВЫСКАЗЫВАНИЕ КАК ЕДИНИЦА ДИСКУРСА: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ

© О.А. Крапивкина*

*Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

В настоящей статье рассматриваются различные подходы к определению понятия «высказывание», сложившиеся в лингвистических исследованиях. Вслед за М. Фуко высказывание определяется автором как материально воплощенная в письменной или устной форме и существующая в определенном культурном и ситуативном контекстах единица дискурса. Данное определение позволяет выделить следующие характеристики высказывания – материальность, контекстуальная обусловленность, связь с другими дискурсивными единицами. Данные признаки позволяют разграничить высказывание и такие единицы, как предложение, пропозицию или фразу. Материалом послужили работы отечественных и зарубежных исследователей – М.М. Бахтина, Э. Бенвениста, М. Фуко, Р. Водак и др.

Ключевые слова: высказывание, дискурс, единица дискурса, жанр, речевой акт, контекст.

UTTERANCE AS A DISCOURSE UNIT: DEFINING THE CONCEPT

О.А. Krapivkina*

*Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk, 664074, Russia

The paper considers the various approaches to the definitions of the concept "utterance" suggested by modern linguists. Following the theory by M. Foucault, the author defines the utterance as a material oral or written unit existing in specific cultural and situational contexts. The definition allows us to distinguish the following characteristics of the utterance: material nature, contextual dependence, relationship with other discursive units. These features help make a careful distinction between an utterance and such units as a sentence, phrase or proposition. The study is based on the works by Russian and foreign researchers (M. Bakhtin, E. Benveniste, M. Foucault, R. Wodak et al.).

Key words: utterance; discourse; discourse unit; genre; speech act; context.

В современных лингвистических исследованиях отмечается тенденция переключения внимания с того, как устроен язык, к тому, как он функционирует в речевой деятельности, как представлен в речи человеческий фактор. Язык рассматривается не как нечто постороннее по отношению к человеку, а как часть самого человека [1]. Принцип антропоцентризма становится основополагающим во многих лингвистических исследованиях и проявляется в том, что «объекты изучаются прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функции для развития человеческой личности и ее усовершенствования» [2].

Коммуникация всегда осуществляется в речевом высказывании, которое является ее базовой единицей. Однако понятие «высказывание» до настоящего времени не получило однозначного понимания. Спорным является и соотношение понятия «высказывания» с такими сущностями, как

«дискурс», «речевой жанр».

Основы теории высказывания были заложены Э. Бенвенистом, который «процесс высказывания (énonciation) рассматривает как «приведение языка в действие посредством индивидуального акта его использования» [3, с. 312]. Высказывание, отмечает Э. Бенвенист, «следует рассматривать как акт говорящего, который употребляет язык в качестве орудия, и с учетом тех языковых черт, в которых проявляются отношения между говорящим и языком» [там же].

Во французской теории высказывания, в основе которой лежит учение Э. Бенвениста, акцент делается на изучении того, как говорящий отражает свою субъективность в языке, как использует языковые средства в своих целях, присваивая себе язык в процессе высказывания [4], изучаются «следы» процесса высказывания в его результате, поскольку «любая дискурсивная последовательность несет в себе следы своего говорящего, но разным образом и в

разной степени» [5, p. 157]. В процессе высказывания «говорящий занимает определенную позицию относительно слушающего, своего процесса высказывания, высказывания как результата, окружающего мира, предыдущих и последующих высказываний [6].

Среди отечественных исследователей, занимавшихся разработкой теории высказывания, следует упомянуть М.М. Бахтина, который определил его как единицу речевого общения (в отличие от предложения как единицы языка), обладающую своим содержанием (тематическим), языковым стилем (отбором словарных, фразеологических и грамматических средств языка) и композиционным построением [7].

Приступив к работе над «Проблемой речевых жанров», М.М. Бахтин отмечал отсутствие в лингвистике понятия, которое бы концептуализировало высказывание не как грамматическое предложение, а как «целое высказывание», не единицу языка (и не единицу «речевого потока» или «речевой цепи»), а единицу речевого общения, имеющую не значение, а смысл, включающего в себя оценку» [там же]. Смысл высказывания, по М.М. Бахтину, нельзя понять со стороны, так как самое понимание входит как диалогический момент в смысл целого, тогда как совокупность значений текста может быть раскрыта «со стороны». Завершенная целостность высказывания определяется, как полагает исследователь, тремя факторами:

- 1) предметно-смысловой исчерпанностью;
- 2) речевым замыслом или речевой волей говорящего;
- 3) типическими композиционно-жанровыми формами завершения.

Таким образом, можно предположить, что М.М. Бахтин отождествляет высказывание с а) отдельной репликой как единицей речевого общения, которую можно сопоставить с предложением как единицей языка; б) целым речевым произведением (дискурсом в современной терминологии). Любое высказывание (реплика или дискурс) всегда имеет форму жанра – относительно устойчивой и нормативной формы высказывания, а не языка. Существенным признаком высказывания, согласно М.М. Бахтину, является его обращенность,

адресованность. «Различные типические формы такой обращенности и различные типические концепции адресатов – конститутивные, определяющие особенности различных речевых жанров» [там же].

С позиций М.М. Бахтина подходит к пониманию сущности высказывания и Т. ван Дейк, разграничивая процессуальное употребление языка и дискурс и определяя последний как «коммуникативное событие социокультурного взаимодействия», включающее в себя «говорящего и слушающих, их личностные и социальные характеристики, другие аспекты социальной ситуации» [8, с. 122].

Идеи М.М. Бахтина нашли отражение и в исследовании Р. Водак, которая уточняет двоякую сущность дискурса: с одной стороны, он «социально конституирован», то есть принадлежит какой-то прецедентной цепи высказываний, сфере общения, с другой – он сам «конституирует ситуации, объекты знания, социальные идентичности людей, групп и их взаимоотношения» [9, p. 15].

Идея М.М. Бахтина о высказывании как единице речевого общения прослеживается и в дефиниции, предложенной В.Б. Кашкиным, который определяет высказывание как минимальную единицу дискурса соотносимую с предложением или сверхфразовым единством, но не более [10].

И.С. Шевченко, следуя уже широкому пониманию высказывания, предложенному М.М. Бахтиным, отождествляет дискурс и высказывание («дискурс есть высказывания») [11]. Аналогичное определение (*discourse as utterances*) предлагает и Д. Шифрин, подчеркивающая взаимодействие формы и функции: предложение как форма актуализуется в высказывании как функции (*sentence vs. utterance*) [12]. Определение дискурса как высказывания предполагает, что дискурс является не примитивным набором изолированных единиц языковой структуры «больше предложения», а целостной совокупностью функционально организованных, контекстуализованных единиц употребления языка.

Если у М. Бахтина высказывание – минимальная единица речевого общения, то С.Е. Тупикова предлагает такой единицей считать речевой акт (или реплику), а выска-

зывание – единицей следующего уровня. Цепь или объединение высказываний образуют дискурс [13, с. 149].

Представляется, что понимание высказывания как единицы дискурса уходит корнями в работы М. Фуко, у которого высказывание является постоянной величиной дискурса. Именно М. Фуко заложил основы изучения теории высказывания с точки зрения проблематики структуры дискурса, рассматривая последний как совокупность материальных форм сказанных вещей, неделимых элементов, атомов дискурса [14]. Высказывание в концепции М. Фуко служит основой для установления порядка дискурса, то есть выявления его собственных элементов, вплоть до первоначальных, и определения законов их существования в структуре дискурса. Оно есть не структура (т. е. совокупность отношений между измеряемыми элементами, узаконивающая, таким образом, бесконечное число конкретных моделей), а функция существования, принадлежащая собственно знакам, исходя из которой можно путем анализа или интуиции решить, «порождают ли они смысл», согласно какому правилу располагаются в данной последовательности или близко друг к другу, знаками чего являются и какой род актов оказывается выполненным в результате их формулирования (устного или письменного) [15].

Всякое высказывание обязательно имеет материальное воплощение, существование, материальный статус: оно должно быть произнесено вслух, воплощено в ощущаемом элементе, оставлять след в памяти или пространстве.

Непременным условием существования высказываний, по М. Фуко, является присутствие определенной пропозициональной структуры, пропозиции. Однако ученый возражает против отождествления данных понятий: предложения могут быть неразличимы с логической точки зрения, будучи одинаковыми пропозициями, но неравнозначными высказываниями. Критерии, позволяющие определить тождественность пропозиции, не подходят для описания общности высказывания. Пропозиция лишь выражает истину или ложь, утверждает или отрицает что-либо о предметах действительности, высказывание понимается шире.

Рассматривая другое соотношение – высказывания и фразы, М. Фуко также отрицает их тождество, приводя примеры высказываний, которые не соответствуют лингвистическим структурам фраз (генеалогическое древо, бухгалтерская книга, график т.п.). Философ приходит к выводу, что «определить высказывание во всей его целостности грамматическими особенностями фразы не представляется возможным» [там же].

Соотнося высказывание и речевой акт, М. Фуко отмечает их взаимосвязь: каждый акт оформляется в высказывании, а каждое высказывание обживается одним из этих актов, они существуют благодаря друг другу и во взаимосвязи. Однако некоторые речевые акты образуются рядом или суммой высказываний, их неперменной близостью, что не позволяет установить однозначных отношений между совокупностью высказываний и совокупностью иллокутивных актов.

Таким образом, по М. Фуко, высказывание как единицу дискурса нельзя отождествить ни с единицей грамматики, ни с единицей логики, ни с единицей прагматики. Присущие им свойства не способны объяснить высказывание во всем его своеобразии. Высказывание характеризуется другими критериями. Оно необходимо в своем способе бытия и должно оставаться единичным для того, чтобы можно было установить, наличествует ли здесь фраза, пропозиция, речевой акт.

Высказывание, по М. Фуко, нельзя свести и к смыслу, к означаемому. Приведем пример.

Согласились бы вы с мнением Валерии Новодворской, что «гражданский уровень России сейчас едва достигает соответствующего уровня развития Великобритании XVIII в. и Франции XIX в.»? [16, с. 213].

Данное высказывание является бессмысленным, потому что: 1) нет такого понятия как «гражданский уровень», поэтому нельзя сопоставить несуществующие явления в разных странах;

2) оценка «едва достигает» предполагает, что этот «уровень» можно измерить в некоторых единицах, но кто и когда измерял «гражданский уровень?»;

3) бессмысленность предпосылки

вопроса делает бессмысленным сам вопрос.

Однако приведенный пример, согласно М. Фуко, все же является дискурсивным высказыванием, и лишить его интерпретации – значит заранее ограничить область пользования. Фраза, утверждает М. Фуко, «напрасно пытается стать незначительной, она всегда с чем-нибудь соотносится постольку поскольку является высказыванием» [14, с. 92]. М. Фуко не ставит вопрос о правильности или неправильности высказываний. Решающим является вопрос о тождественности высказываний полю использования [там же]. По данному критерию высказывания можно категоризировать как нормативные для данного дискурса или привнесенные из другого дискурса, не свойственные данному дискурсу.

Коррелируют высказывания — это совокупность областей, в которых могут возникать данные объекты и устанавливаться данные отношения. Он конституируется не «вещами», «фактами» или «реалиями», а «законами возможности, правилами существования для объектов, дискурсивными формациями (еще один термин, введенный М. Фуко).

Высказывание возможно только в определенном месте, то есть оно контекстуально обусловлено: «Нет высказывания вообще, свободного, безразличного и независимого, но лишь высказывание, включенное в последовательность или совокупность, высказывание, играющее роль среди других, основывающееся на них и отличающееся от них; оно всегда включено в игру высказываний, в которой у него есть своя простая и незначительная, как ему и подобает, роль... Нет высказывания, которое не предполагало бы других высказываний, которое не имело бы вокруг себя поля сосуществований, эффектов и последовательностей, распределения функций и ролей» [14].

На высказывания влияют постоянно меняющиеся условия, в которых они разворачиваются. Как пишет М. Фуко, «высказывание всегда имеет края, населенные другими высказываниями» [там же]. Действие контекста определяется на основании более общего отношения между формулировками, на основании всей вербальной сети. Не существует высказывания, которое

бы так или иначе не вводило в ситуацию другие высказывания. Контекст, который производит из фразы и совокупности знаков высказывания, есть, в понимании М. Фуко, ассоциированное поле, сложная структура, которая включает разные уровни, разные формы лингвистического опыта, словесной памяти, упоминания уже сказанного.

Каждое употребление высказывания детерминировано различными возможностями его существования [17]. Например, высказывание *Его подозревают в валютных спекуляциях*, произнесенное в 60-70-е годы прошлого века применительно к советскому гражданину, имеет совсем другие связи с действительностью, нежели то же самое высказывание, но сказанное в условиях современной России. Если в Советском Союзе за валютные операции люди наказывались лишением свободы на срок от пяти до пятнадцати лет (Статья 88 УК РСФСР), а поиском «валютчиков» занимались не только службы МВД, но и КГБ, то в настоящее время валютная спекуляция по сути – основополагающая стратегия работы рынка. В данном случае мы имеем одно и то же предложение, но два совершенно различных высказывания, каждое из которых будет характеризоваться своими правилами существования [14]. По причине своей контекстуальной обусловленности высказывание лишено неоднозначности. Оно есть предложение системы языка, которое получило определенное контекстное значение [17]. Контекст играет главную роль в определенности языкового выражения как высказывания.

Таким образом, подводя итог вышесказанному и опираясь на идеи М. Фуко, определим высказывание как материально воплощенную в письменной или устной форме единицу дискурса, существующую исключительно в некотором социальном контексте и связанную с другими единицами, порожденными данным контекстом. В данном определении отражаются два важных свойства высказывания – его материальность и контекстуальная детерминированность. Последнее позволяет анализировать высказывания с учетом постоянно меняющихся условий социальной действительности, через призму определенного Времени культуры.

Библиографический список

1. Звегинцев В.А. Теоретическая и прикладная лингвистика. М.: МГУ, 1968. 338 с.
2. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М., 1995. С. 212–228.
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
4. Moeschler J. Argumentation et Conversation: Éléments pour une analyse pragmatique du discours. Paris: Hatier, 1985. 203p.
5. Kerbrat-Orecchioni C. L'Énonciation. De la subjectivité dans le langage. Paris: Armand Colin, 1980. 290 p.
6. Maingueneau D. L'énonciation en linguistique française. Paris: Hachette, 2007. 160 p.
7. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 180 с.
8. Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
9. Wodak R. Disorders of Discourse. London, New York: Longman, 1996. 200 p.
10. Кашкин В.Б. Сопоставительные исследования дискурса // Концептуальное пространство языка: сборник научных трудов / Под ред. Е.С. Кубряковой. Тамбов, 2005. С. 337–363.
11. Шевченко И.С. Речевой акт как единица дискурса: коммуникативно-прагматический подход // Тверской лингвистический меридиан: сб. научн. статей. Вып. 7: В мире языка. Тверь : Твер. гос. ун-т, 2007. С. 69–80.
12. Schiffrin D. Approaches to Discourse. Oxford: Cambridge, MA, 1994. 232 p.
13. Тупикова С.Е. Разграничение понятий «высказывание», «дискурс», «речевой жанр», «тональность» в современной лингвистике // Вестник ТГУ. 2008. Вып. 10 (66). С. 9–16.
14. Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 2006. 208 с.
15. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. 448 с.
16. Захарова Е.Н. Введение в обществознание. М.: Школьная книга, 2001. 192 с.
17. Бурцев В.А. Дискурсивная формация как единица анализа дискурса // Вестник ТГУ. 2011. Вып. 3 (95). С. 148–154.

Крапивкина Ольга Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков для технических специальностей № 2, e-mail: koa1504@mail.ru

Krapivkina Olga, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Foreign Languages Department №2 for Engineering Fields of Study, e-mail: koa1504@mail.ru